

Дорогие читатели!

Я рад, что благодаря нашей районной газете тетишане смогут прикоснуться к духовному миру писателя и академика, краеведа и общественного деятеля, Заслуженного работника культуры Российской Федерации и Республики Татарстан Николая Васильевича Нарышкина, более близко познакомиться с его творчеством.

Те из тетишан, которым посчастливилось побывать на творческих встречах, состоявшихся в различных городах Поволжско-Посурского региона, кто читал публикации о Нарышкине, кто имел возможность прочесть хоть что-то из литературных трудов Николая Васильевича, могли убедиться, что всё же главное в нём — не регалии. Хотя и они, безусловно, вызывают большое уважение, но всё же в первую очередь поражает открытость его внутреннего мира, нешаблонные, такие простые, понятные и мудрые мысли, его гряданская смелость, искренность и настойчивость, его огромная любовь к родному дому, своему Отечеству.

Читая книги Н. В. Нарышкина, замечаешь, что всё чёрное и плохое уходит, освобождая место светлому, позитивному. Его произведения учат жить. И поэтому, уверен, читать парышкинские строки, знать их и помнить мы обязаны (если, конечно, хотим жить по-доброму, в мире и достатке, с любовью к своей России). И жаль, что сегодня огромными тиражами издаётся лишь коммерческая, низкопробная литература, способная разве что странненьким наркотиком для молодых неокрепших душ, а вот книг, заставляющих думать и действовать не в угоду чьим-то меркантильным интересам, а на благо своей семьи, земляков, Родины, у нас крайне мало. Поэтому с помощью районной газеты хочется предложить тетишанам одно из ярких жизненных повествований Н. В. Нарышкина — «САД ОТЦА», которое, как благодатное семя, должно лечь в плодородную почву, то есть быть прочитано не спеша, вдумчиво. И прочитано, прежде всего, молодыми людьми. В этом произведении — суть бытия нашего на этой земле, огромная кладёшь философских размышлений о смысле человеческой жизни.

Поверьте, при чтении «Сада Отца» есть о чем подумать, поразмышлять и принять решение. Весна не за горами. Будет хорошо, если каждый из родителей вместе со своими детьми рассадят своими руками сад, будут ухаживать за ним, радоваться его цветам и плодам. Тогда вся земля наша превратится бы в один большой цветущий Сад. А уж что в нем будет расти, зависит от вашего вкуса — торговля сегодня предлагает очень широкий и интересный ассортимент семян и саженцев цветов, кустарников и деревьев — как наших, доморощенных, так и завезенных из дальних стран, «заморских».

Я прошу бы на примере этого произведения создать для себя и своих потомков свой райский уголок на Земле, который называется САД.

П. ЧЕКМАРЁВ,

Председатель районного Совета народных депутатов.

Глава администрации района, член-корреспондент Академии Гуманитарных наук Российской Федерации.

Н.В. Нарышкин
в Саду Отца.

ные леса, в овраги и доли, к родникам.

Стоял я, замороженный волшебством природной красоты, и не мог досыта напиться духом Родной Земли, Земли моих Родителей, Земли моих Дедов и Прадедов — Русской Посурской Песенной Земли! Подо мною, к югу от тропы, красовался Сад. В нескольких шагах от меня через овраг во

ликом погрузиться в Тайны Прекрасного и остаться навсегда в этом Сказочном Посурском Природном Мире.

Отец, составляя единое целое со своим Творением-Садом, степенно переходя от яблонки к яблоне, от вишни к вишне, от улья к улью, был погружен в думы. Это было заметно по его какому-то особому философскому Состоянию, вызванному в Сознание и в Душу встречей с только что про-

САД ОТЦА

Отрек Николая Васильевича Нарышкина

ЭССЕ

Наш сад и сейчас жив, хотя вот уже пятнадцать лет, как ушел из земной жизни его Творец и Родитель — мой Отец, кадышевский Русский Крестьянин Василий Иванович Нарышкин.

Отец очень любил свое Дитяще — Сад. За несколько дней до кончины смертельно больной Отец с помощью своих родных октябрьским ненастным, серым, облачным днем вышел из родной, уютной, теплой избы, вошел через калитку в огород и, еле держась на больные, уставшие от трудной восьмидесятилетней жизни, ногах, пристально взглядевшись в очертяния родовой старинной Крестьянской Усадьбы и низко, чуть не до земли, поклонился своему Дитяще — Саду. В те минуты прощания оба были печальны: и Отец, и его Сад. Они понимали, что эта встреча у них — последняя. Позади, в ушедшем времени, остались навсегда тысячи добрых, всегда радостных встреч!

Рассадить Сад Отец задумал в конце пятидесяти годов двадцатого века. Тому способствовала обстановка: у Отца приближался пенсионный возраст (он родился в 1904 году); наступал конец бесплатной, оброчной системы работы в колхозе; в 1957 году призвали служить в Военно-Морской Флот меня, что значительно позволило семье сократить расходы на мое содержание как студента-иждивенца...

Под Сад Отец решил отвести пол-огорода, где-то соток пятнадцать. Площадь — большая. Земля — суглинистая. Прежде всего Отец площадь под сад надежно огородил: столбы ограды — дубовые, жерди — сосновые, обшивка — сосновыми досками. Даже одно только это сооружение-ограда у кадышан вызывало восхищение! Параллельно с огораживанием будущего сада Отец вместе со своей женой, моей Мамой Анной Михайловной, начали готовить землю под посадку яблонь, вишни, сливы, смородины. Работа ими была проделана, прямо надо сказать, — титаническая. Только одного конского навоза и навозной жижи они главным образом на себе, иногда на тракторной тележке с находившегося рядом бывшего конного двора перечерпали на площадь будущего сада под сотню тонн! Они, мои Родители, Крестьяне Русские, знали Крестьянское Дело, знали и цену ему. Занимаясь Творением Сада, Тятя и Мама совершали воистину Подвиг Трудовой, коему аналогов даже в присурском Кадышеве, богатом на разные выдающиеся трудовые свершения, еще до этого не было!..

Посадку фруктовых деревьев и плодово-ягодных кустарников Отец и Мама сделали в основном

в 1959 году. После их усердных трудов с Божиим благословением Сад весело стал расти. В саду, вволю питаясь соками щедро ухоженной человеком подгорной присурской земли, наперегонки начали набирать силу 60 (!) яблонь разных сортов из разных Поволжско-Посурских питомников и более полсотни (!) вишен, приобретенных Отцом в мордовском селе Налитове, что километрах в семи к западу от Кадышева.

Демобилизовавшись с Флота летом 1961 года и вернувшись в уют Кадышевского Родительского Дома, я, побывав в объятиях своих родных, сразу же Тятей был приглашен в Сад. Садовый Дух меня приветливо встретил уже на тыквенно-картофельном огороде. Пройдя по шелковой травянистой его тропе, я очутился перед рукотворным сказочным оазисом, там, где четыре года до этого был обыкновенный огород. На какое-то мгновение от удивленного Чуда я даже остолбенел, настолько была неожиданно магической созданная моими Родителями, Тятей и Мамой, Красота. Садовые обитатели — деревца стояли, улыбаясь и тихо шелестя своими нарядами, с лицами молоденьких красавиц-девушечек, имеющих глаза с росистой поволокой и нежную, почти прозрачную кожу, сквозь которую откуда-то изнутри излучается жажда любви.

Войдя в Сад, я низко поклонился Родительскому Творению — Рукотворному земному Райскому Саду. Поодаль от меня стояли, с нескрываемым любопытством следя за моей реакцией на удивленное, Тятя и Мама, родные, друзья, соседи. Оглядевшись по сторонам, я никак не мог не заметить достойный великодушному Саду интерьер: тесовую гордью, перестроенную баню, вновь построенную просторную кладовую, новый сруб у древнего колодца. Короче говоря, передо мною предстала Усадьба в центре с Садом что надо! Я был в эти минуты несказанно рад Новому Началу Эпопеи моих почти шестидесятилетних Родителей. Начало это было насыщено нескончаемым Счастьем Бытия...

По мере взросления Сада его все настойчивее и настойчивее обетовало птичье население Посурья: соловьи, скворцы, воробьи, голуби, сороки, кукушки. Из За-

ших сползание горы на Махотин заулк и огороды его жителей, в Сад не лет да и не выдвигались десятками пар галки, воробьи. В течение дня над Садам множество раз пролетали, завистливо-кичливо взвывая сверху на копошащееся в садовой зелени птичьей, пчелиное, бабочковое, разнонасекомое племя, стрижи и деревенские ласточки. Эти неугомонные птички совершали в воздухе над Садам головокружительные пируэты.

С раннего утра весь день, вечер весь, да и всю ночь в Саду нашем все трепетно жужжало, стрекотало, трелило, каркало, шелестело. Музыкальные садовые вариации и импровизации делали жизнь Махотина заулка, нашей Усадьбы, Долгой горы, всех примыкающих к саду присурских окрестностей торжественно-веселой, светло-оптимистической, поэтической.

Особо вдохновенно, поэтически музыкально в Саду Отца и возле Сада было ранним утром, по росе, когда сверху, из-за горы, на Сад плавало, с достоинством выкатывалось наше кадышевское Солнышко. Солнышко очень любило наш Сад! Оно не жалело для Сада тепла и света, изобилие которого придавало его животно-растительному миру жизненную стойкость и неуязвимость красоту.

С восходом над Садам Солнышка разом начинались в Саду разливающие леснопения и всевозможные музыкально-песенные концерты-импровизации. Особенно усердствовали в этом творческом процессе соловьи и скворцы. Их солонье пение, по моему, собирало поутру в нашем Саду души даже тех кадышан-сучан, кто давным-давно покинул земной мир. У соловьев сценной служили десятки облитых утренней росой кустов смородины, а у скворцов — ветки яблонь и вишен, крыши бань, амбаров, домов.

За утренней жизнью Сада Отца я особенно любил наблюдать с тропы, которая шла метрах в ста от Сада с северной его стороны, мимо тополей, над царством Заманихи, по склону, укрывшему ковром душицы и полыни, красногрудой горы, с ее подошвы наверх, где расположены нагорные кадышевские улицы. Века по нагорным улицам кадышане и с нижних улиц направлялись по разным заботам на многочисленные поля, в различ-

ную свою могучую грудь дышала нагорным воздухом и воздухом околосурья Долгая гора. К западу от Сада, Долгой горы, тропы, где я стоял, несла свои воды Священная Сура, за которой — заливные луга, а на лугах — заселенные рыбной, лягушками, кувшинками, осокли, камышами голубоглазые озера. За лугами на песчаных холмах-шишках — сосновый бор, а под бором, под боровыми шишками — черни с густыми зарослями экзотической растительности. Все это раскинувшееся вокруг меня пространство напоминало мне гигантскую живописную Вазу-Шедевр, изваянную из трав и цветов лугов, из талов и ветел, из тополей и берез, из сосен и дубов, из озер и протоков, из белоплашковых холмов, из сельских улиц и картофельно-тыквенных огородов, из подсолнухов и лопухов. В этой божественной чудной Вазе Русскими Крестьянами Василием Ивановичем и Анной Михайловной Нарышкиными, их трудами Праведными и Любовью к Земле был Помещен чарующий взор каждого человека и радующий человеческую душу Роскошный Букет — яблонево-вишневый, смородино-сливовый, скворчино-соловьиный, пчелино-разнонасекомый Обетованный Сад.

Каждый раз утром, направляясь в лес по грибы или по ягоды, с тропы я видел в Саду Отца. В летнюю пору Отец вставал рано, когда на востоке, со стороны Большого поля и соседствующих с ним Лысых гор, Чурашева, Козлихи и Кузнечицы, еще еле-еле брезжили на небе блики света, пробивавшиеся сквозь уходящую ночь от торопящегося к нам, в Посурье, Солнышка. Мое Кадышево с неохотой только начинало просыпаться. По селу пастухи еще не гнали стада коров и овец. На заманихинских тополях о чем-то шумно, перебивая друг друга, судачили-галдели галки. Через мою голову оперившихся детенышей грачи и скворцы. Возбужденное чириканье исходило от стай воробьев. Вдоль горы и по горе, по садам и огородам слышны были чудные песни. Их залихватски натреливали соловьи. Всюду: в воздухе, на траве, на лопухах, на цветках — заботливо жужжали пчелы и беззаботно куролесили стрекозы, бабочки, жуки, мухи. С огородов сладко пахло картофельным, тыквенным, огуречным духом. С Долгой горы легкий ветерок расплескивал по округе запах душицы. Во все поры тела и, конечно, в душу проникал настоящий на утренней росе тополиный дух. Присутствие Поэзии, Музыки, Живописи тут было всюду. Настолько сильна была их магия, что хотелось как можно скорее це-

снувшейся Природой. Отец вслушивался в Природу, в Сад. Он был Великим Крестьянином, Мыслителем, Созидателем, Хранителем многовековой Крестьянской Культуры. Впитав в себя за долгие годы жизни весь огромный потенциал этой Культуры, Отец его развивал, расширял и укреплял. О Крестьянской Жизни Отец знал все. Он отлично знал добрые русские Крестьянские Традиции и, зная, старался их понять, освоить и совершенствовать. Вот и сейчас, ступая по земле своего Сада, вдыхая его аромат, вслушиваясь в шепоты садового растительного населения и в мелодии неугомонных птиц, Отец думал о земном Бытии, о его премудростях, о Прошлом и Будущем, о своем Доме, о Кадышеве, о России. Я это знаю хорошо потому, что Отец своими мыслями, часто гениальными и пророческими, бесконечное число раз делился со мною: в избе летом и зимой; на крыльце дома в звездную летнюю теплую ночь; в проливной дождь на лугах в омете сена; в Саду во время качки меда; в жарко натопленной бане во время валки валенок; на грибной поляне в Семиродных казах, в Чегирихе или на Пузихе; возле Часовенского и Бездонного родника; во время подъема по тропе на вершину Плечистой Горы, когда мы, набрав под ней в роднике воды, шли в Козлиху дрова заготавливать; на лодке в полую воду; под Каршевными ярами во время удения; на Котляковской ческе; в бору по пути в Налитове — мордовское село... Отец, впрочем, был мало разговорчив, но каждое им сказанное Слово — это квинтэссенция гигантского Жизненного Опыта. Слово Отца оставалось в моем сознании навсегда. Его Слово ценили все в нашей семье, ценили и все кадышевские люди. Каждое Слово Отца — Реальное Дело, оформленное Мыслью...

Родительский Сад во все годы жизни Тяти и Мамы был гостеприимным Пристанищем для сотен и сотен людей. Никогда и никому не было отказано бывать в нашем Саду, вволю дышать его воздухом, лакомиться душистыми яблоками, есть с куста вишню, смородину, повалиться на травке, попить водички из садового колодца, попариться в баньке, выпить рюмочку-другую водочки, закусив жареной семейными женщинами рыбкой, отведать липового меда... Хлебом и солью, яблоками, ягодами и медом мои хлебосольные, добродушные Родители встречали в Саду каждого, кто его посещал. Всяк Человек был нашим гостем. В гостях у нас бывали: седовласые столетние старики; одинокие, изможденные невзгодами

Продолжение на 4 стр.

НАРЫШКИН (Махотин) Николай Васильевич Профессор Казанского государственного технического университета (КАИ) им. А. Н. Туполева, Действительный Член Российской Академии Гуманитарных Наук (Академик), Академик Международной Гуманитарной Академии «Европа-Азия», Почетный профессор Института культуры мира (ЮНЕСКО), Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин Карсунского района Ульяновской области, член Союза писателей России, член Союза журналистов, публицист, Заслуженный работник культуры Российской Федерации и Татарстана, Председатель Юбилейного Языковского Оргкомитета. Автор книг «Махотин извоз», «Мятущаяся Россия», «Священная Сура», «Кадышевский эпос», «Разговор праведника с нечестивцем», «Русский дневник». Тома 1-4, «Сквозь пелену времен. Афоризмы», «Пути праведными к вершине жизни», «Сад Отца», «Моя Посурская сторона. Поэма» и более 600 других произведений.

Начало на 3 стр. жизни старушки; молодые ребята; кадьяне, по разным причинам жившие в разных концах страны и приезжавшие на побывку в родное село; русские, мордвини, чуваша, татары; родные, знакомые и совсем чужие люди. Нередко в Саду слышны были песни голосные, артельные и одиночные. Переменяясь с птичьим пением, с шумом тополиным, частенько в саду играла гармошка и виртуозничала балалайка. Наш Сад за долгие свою жизнь всего наслушался и нагляделся. Слышал Сад: песни старинные, песни современные, пение частушек, рассказы валяльщиков о своих похождениях на стороне, во время валяльного сезона, рассказы кадьян об издевательствах над ними со стороны всяких «коммунак-активистов», малых и больших начальников, фининспекторов-взяточников, колхозных «правленцев». Гости Сада каждый день были: наши домашние псы Пушок и Сигнал, коты наши Васьки, наши куры во главе с петухами Цифинами, полно соседских кошек. Залетали в Сад погостить у своих друзей-птиц с Суры даже кулики и стрижи. Весело, хоть и в непрерыв-

завистью! Каждый год Отец мастерил для пчел улей. Всего он соорудил, наверное, ульев пятьдесят! Пчельник моими Родителями постоянно, год от года расширялся и обустроивался. Количество ульев, населенных пчелами, на пчельнике достигало двадцати в пору, когда Отцу и Матери было уже за семьдесят лет! Возраст, конечно, почтенный, а работы в Саду, на Пчельнике, да еще в Огороде, усаженном картошкой, тыквой, помидорами, огурцами, луком, морковью, дынями, капустой, свеклой, хватило бы, без всякого сомнения, и на десять молодых мужчин и женщин. Любимая, полезная для себя и для других людей Работа приносила Тате и Маме такое Наслаждение-Вдохновение, которое помогало им справляться с ее колоссальным объемом. У Тяти и Мамы не было посто-

Как-то по-особому нежно Отец страивал с рамок в улей пчел и подавал одну за другой рамки мне. Я их складывал в специальный ящик и проворно доставлял рамки в подвал-мшаник, где предварительно была нами установлена медогонка. Следом за мной в подвал подходили: Тятя, Мама, Люся, Саша, а иногда—соседи. Рамки с медом устанавливались в специальные устройства медогонки. Все готово к главному акту—качке меда. И начинали мы мед качать! Кто-то из нас брался за ручку и с помощью ее начинал всю внутреннюю конструкцию медогонки приводить в движение. При определенной скорости вращения конструкции, с установленными в ней рамками, мед из них выдувался и стекал по стенкам медогонки на ее дно. Мед из медогонки сливался в

ской земле, жадно впитывал Целебный Дух Этнуса своего Народа, запахи Посурской Весны, величаво, нарядно, песенно шествующей по Саду, по его окрестностям во главе с былинной, Священной Сурой, щедро покрывшей весенними водами широченные луга. После Весны, как обычно, наступило уж в который раз Лето. У каждой посурской Весны своя, особая прелесть, а у каждого Лета посурского—своя. Все Лето, как и Весну всю, под нашим присмотром с наслаждением, ликуя, вольготно разгуливал Саша по Саду. Тогда, в раннем Детстве, этот летний яблонево-вишневый нарядный Сад маленькому Саше, как, наверное, и всем малышам, казался Огромным-Огромным, Бесконечным Добрым Миром, переполненным невероятными сказочными сюжетами, разноцветными природными картинками,

бобытством, впитывая каждую мысль и каждое слово, следил и наш сын Саша. Беседы мудрых Людей на мудреные темы, по сложнейшим вопросам бытия приоткрывали для нашего сына Огромный Мир Прошлого и указывали надежные Тропы в Будущее.

Пожалуй, самые познавательные часы у меня в жизни были тогда, когда в нашем Саду собиралась отовсюду, со всех сторон Кадьяшева, из Орска и из Саранска, вся наша Родня—Большая Семья Нарышкиных, Галушиных, Махотиных, Старковых, Гудковых... На садовой поляне-лужайке, между яблонь и ульев, устраивались поудобнее в предвкушении доброй беседы: Отец Василий Иванович, Мать Анна Михайловна, я и моя жена Людмила Михайловна, наш сын Александр, мой брат Иван Васильевич с женой Екатериной Павловной и детьми Натальей и Андреем, мамыны братья Григорий Михайлович Галушин и Филимон Михайлович Галушин, некоторые из их многочисленных детей, внуков и правнуков (все они жили и ныне живут в Орске Оренбургской области), мамыны сестры Анисья Михайловна Галушина и Прасковья Михайловна Гудкова (Галушина), мамына двоюродная сестра тетя Нюра Баранова (по отцу Старкова), тоже мамына двоюродная сестра Поля Нарышкина (по матери Старкова), Василий Николаевич и Николай Николаевич Семеновы (по матери Нарышкины), Махотины и Нарышкины из соседнего села Кирзяти. Были на лужайке и другие наши родственники...

Каждому из нас было что и о чем рассказать. Я, например, говорил о службе на Тихоокеанском Флоте. Отец всегда с неохотой говорил о своем трудном, безрадостном детстве, о том, как он с шести лет начал работать батрачить: пасти овец, коров, гусей, плести лапти, вить из мочала веревки... Вздыхая, Отец рассказывал нам и об ужасах войны 1941—1945 годов, участником которой он стал почти в первые же ее мрачные дни. Много бед свалилось на плечи Отца во времена индустриальныхстроек, в период бесластной работы в колхозе. Вспоминал Отец и о многих других нерадостных событиях своей тяжелой долгой жизни.

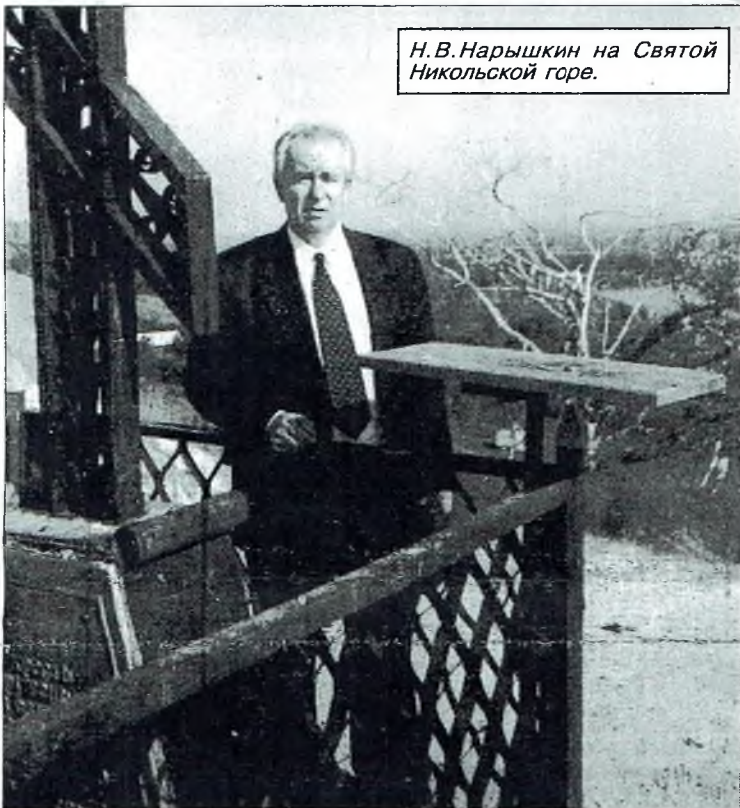
Мои дядя Григорий Михайлович и Филимон Михайлович, трудяги до мозга костей, страдальчески нам выдавливали из себя горькие слова о том, как они, выходя из семьи тружеников, герои Отечественной войны с супостатом, после окончания этой кровавой межчеловеческой бойни в честь их ратных подвигов и за их бесцельные в дни коллективизации на долгие десять лет были... сосланы на заточные работы (о, ужас!) в шахты холодной и голодной послевоенной Воркуты.

Тетка Анисья Архиповна, всю свою жизнь проработавшая на тяжелой и грязной работе в каком-то подсобном хозяйстве Орска, с великой неохотой, со слезами на воспаленных от натуги глазах рассказывала о невероятных издевательствах над ней, над всей Крестьянской семьей Галушиных в черные дни кадьяшевской «коллективизации». Однажды всех членов семьи, старых и молодых, здоровых и больных, вдруг, ни с того ни с сего, темной, прокисшей от проливных дождей ночью вышвырнули из родного, построенного их мозолистыми руками дома, в грязь на улицу. Изверги проорали диким матом им, чтобы в течение 24 часов их в селе не было. Такими методами в тридцатые-сороковые годы двадцатого сатанинского века из нашего Кадьяшева изгнали его лучшие Крестьянские Фамилии, подкосив напрочь все Надежные Опоры Русского Села...

Другая тетка—Прасковья Михайловна Галушина (в замужестве Гудкова), мать шестерых детей, вздыхая, охая и плача, делилась со всеми нами своими страданиями, кои выпали на ее долю в мученические военные годы. Муж тети Паши Николай Иванович всю войну провоевал, вернулся с войны искалеченным. А тетя Паша с детьми на руках голодала, спасаясь от смерти объедками со скотоводческой фермы, на которой трудилась ее сестра Анисья. Анисья Михайловна, рискуя тюрьмой, эти объедки в семью Прасковьи Михайловны потаясь таскала...

Продолжение следует.

САД ОТЦА

Н.В. Нарышкин на Святой Никольской горе.

ных заботах, шла садовая трудовая жизнь. Сад никакой праздности не знал, в нем все его постоянные обитатели круглосуточно трудились. Часов по семнадцать в сутки трудились и его Созидатели-Люди, мои Родители—Тятя и Мама. Присутствие гостей в саду, их развлечения как-то тонко, незаметно органически вплетались в рабочий ритм Сада и не являлись даже на миг какой-то особой праздной нормой жизни. Норма жизни Сада была Работа, Работа, Работа...

Особым украшением Сада, его Составной необходимой Частью являлся Пчельник. Отцовский Пчельник!.. Наш Пчельник!.. Пчельник в Саду Отца—Бесконечная Поэма, Высокая Проза, Величественная Сага о Жизни Пчел, пожалуй, самых таинственных Детей Природы.

Пчельник в Саду Отца создан в 1963 году, накануне своего 60-летия. Так уж получилось, что Отец ко Дню своего Рождения сам себе преподнес щедрый Подарок. Вначале Пчельник состоял всего из трех семей пчел, купленных Отцом в селе Русская Галышевка. Какие это были семьи!.. Каждый рой весил около четырех (!) килограммов! Пчелы оказались невероятно старательными, они тут же на новом месте своего жительства взялись за дело: начали таскать в магазины мед, каждая семья заготовила почти по два пуда меда; за лето все три семьи отроились, создав еще по молоденькой семье пчел. К пчелиным новосельям Отец готовился заранее и тщательно: мастерил новенькие ульи для пчелиной молодежи, приобретал в достаточном количестве рамки, домики и прочий инвентарь. Домик-пчельники, построенные Отцом своими руками, были всем, даже бывалым пчеловодам, на

янных по работе помощников. В какой-то мере им помогал я, приезжавший в Отчий Дом каждое лето в двухмесячный отпуск. Очень старалась оказать помощь в огородно-садовой и пчеловодческой деятельности, в работе по хозяйству моя жена—Людмила Михайловна. Старательно помогал Дедушке и Бабушке наш сын Александр, гостивший у бабушки и дедушки в Кадьяшеве с годовалого возраста по два-три месяца каждое лето. Но все-таки основное бремя нелегких Крестьянских Забот лежало на плечах Василия Ивановича и Анны Михайловны—наших Родителей...

Особой значимости торжественным событием в нашей семье в летнюю пору была качка меда! Это событие—Радость Великая! Его мы ждали с осени, всю зиму и весну всю. К нему мы все готовились заранее и основательно: мыли и проветривали на солнце медогонку; тщательно обрабатывали фляги под мед; в подвале-мшанике, где зимовали пчелы, все прибирали, чистили; хозяйки, мама и моя жена Люся, в этот праздничный для семьи день пеки пироги, готовили самые что ни на есть изысканные блюда; семейные женщины мыли полы в избе, приносили ведро воды из Елина родника, что в километре от дома...

Заправив горящими гнилушками дымарь, надев поверх обычной одежды еще и халат, забулавив на нем и на всей одежде все прорези-дыры, накинув на головы сетки, мы всей семьей направлялись к одному из ульев. Отец сноровисто снимал с улья крышку, клал ее на траву, затем осторожно сдирал плотно пчелами приклеенное к верхней части рамок прополисом полотно и доставал густо налитые медом соты рамок.

чистую посуду, как правило, в эмалированные ведра, а затем—во фляги или в липовые кадьюшки. Технологича качки меда, конечно, простая, но ведь дело-то вовсе не в технологии медодобывания, а в необыкновенной праздничности этого трудового, очень романтического процесса.

Качка меда в Саду Отца под пение птиц, стрекотание тысяч всяких букашек, бабочек, в пьянящем духе садового растительного мира была для нас сравнима с высокой, какой-то Неземной Поэзией. Каждый элемент музыкально поэтического процесса качки меда являлся или маленькой элегией, или песней, или лирическим стихотворением, или романсом, или вальсом, или басней, или балладой, а то даже и былинной. Для меня от начала до конца, все время, работа на Пчельнике в Саду Родителей, доброе общение с пчелами было Сказочным Счастьем!..

Отец любил пчел. Мне казалось, что он знал все даже о каждой пчеле, а их на Пчельнике жило и трудилось сотни тысяч. Доброе отношение Отца к пчелам способствовало полному отсутствию на нашем Пчельнике «злых» пчел. На нем всегда, во все годы пчелы были очень добрыми, очень старательными. Каждая пчела весь световой день занята была: добычей нектара с цветов луговых трав и с цветов липы, с других медоносных растений; выработкой из нектара меда, а из почек тополя, березы, осины—прополиса. Было у пчел много и других дел: поддержание должной организации в семье; обихаживание своего пчелиного дома-улья; воспроизводство пчелиного рода, забота о подрастающем поколении и др. дела.

Отец умел и разговаривать с пчелами-труженицами, на что они отвечали ему взаимностью, о чем-то и про что-то тоже жужжали-ведали. За многолетнее общение с пчелами Отец не только ни одну пчелиную душу не погубил, но и даже самой маленькой обиды ни одной пчеле не нанес. Вот таким земным Человечиком являлся мой Отец—Крестьянин, Земледелец, Садовод, Пчеловод, Огородник, Валяльщик, Педагог-Воспитатель своих детей и внуков, Созидатель, Патриот, горячо влюбленный в свой Отчий край, в свою родную землю, в свою Святую Русь, в свой Русский народ, в его речь, в его Песни...

Первые уроки жизни в Саду получил от своих Учителей Дедушки и Бабушки—Василия Ивановича и Анны Михайловны, от своих Родителей—Николая Васильевича и Людмилы Михайловны наш Саша, родившийся солнечным днем 9 сентября 1964 года. Уже восьмимесячным ребенком в апреле 1965 года наш лучезарный Сын и Внук Александр Нарышкин с великим любопытством вслушивался в чарующие все живое весенние садовые мелодии. Малыш—потомок знаменитых посурских крестьянских Фамилий, в Саду, делая первые шаги по родимой русской посур-

румяными яблоками, райскими птичками и светлыми игривыми солнечными зайчиками, весело прыгающими от дерева к дереву, с ветки на ветку, с листочка на листочек, с кусточка на кусточек.

Сыночек-внучонок наш особенно радовался, заливаясь дивным смехом, при виде для него фантастических, издающих непрерывно мелодичные звукожужжания существ. Это были пчелы! Пчелы понимали (!), что возле них, почти рядом с их домиками-ульями, часто посредине пчелиной трассы, находится, стараясь держаться на еще не окрепших детских ножках, маленький добрый Человечек с ангельским личиком. И наверное, поэтому-то пчелы его, дитя, никогда не обижали. Пчелы, наоборот, при виде малыша, нежно держащегося за зеленую ветку яблони и наблюдавшего за пчелиным вальсированием, старались как можно громче и веселее жужжать...

История нашего Махотина-Нарышкина Сада хранит множество интереснейших на садовых лужайках встреч, полно всяких бесед и разговоров, в коих принимали участие в течение двадцати шести лет сотни людей разных возрастов и профессий, из разных сел и городов, разных национальностей и вероисповеданий.

Все беседы в Саду, как правило, начинались на всякие вольные темы, а заканчивались серьезнейшими дискуссиями по всевозможным проблемам истории, культуры, политики, сельского быта, поведения людей. Сосредоточием мысли среди участников встреч являлись, безусловно, семидесятилетние Старцы, такие как: наш Отец Василий Иванович Нарышкин, Тимофей Иванович Глазистов, Михаил Жильцов, Иван Григорьевич Шилин, Николай Александрович Ипатов, Андрей Александрович Ипатов, Семен Петрович Круглов, Алексей Васильевич Комлев (Макуров), Степан Иванович Глазистов, Иван Яковлевич Серов, Степан Яковлевич Яроцков, Михаил Васильевич Климов, Григорий Андреевич Круглов, Степан Алексеевич Баранов, Петр Иванович Каюков... У всех у них был колоссальный жизненный опыт, все они являлись не только Крестьянами, но и Валяльщиками, Воинами. Большинство из них прошло через пекло первой и второй мировых войн, войны гражданской, через пожары революций и «преобразований», через страдания коллективизации и индустриализации, а некоторые—и через ад тюрем и лагерей. Помнили они, как кадьян в 30-е годы загоняли силой в колхоз и в шею гнали из своего Отчего края в Оренбургские степи, в дальневосточные леса, в городские, пропахшие гарью, чадом, керосином трущобы Самары (Куйбышева), Орска, Хабаровска.

Много чего помнили те Старики, о многом они знали, со многим в жизни они не соглашались, многое в жизни они хотели изменить. В тех садовых философских беседах, своеобразных «тайных вечерах», обязательно принимали участие не только я и Люся, за их ходом с нескрываемым лю-

Начало в номерах 13-14

Моя милая Мама, всю жизнь бесплатно проработавшая на немилых «колхозных» полях, больше говорила о страданиях на окопах, которые она, вместе с десятками других односельчан, рыла зимой 1941 года в районе Тагая, что километрах в пятидесяти к западу от Ульяновска и километрах в восьмидесяти к востоку от присурского Кадышева. Мороз той трагической для России зимы достигал в Поволжье 40—50 градусов. Окопщиков, стариков и женщин, почти не кормили, а работали они, голодные и полурасдетые, от темна до темна. Окопы рыли, прогрызаясь через метровую толщину мерзлого, сплетенную корнями деревьев землю на глубину до 2—3 метров. Надо заметить: площадка, на которой планировалось рыть окопы, предварительно должна быть очищена от столетних дубов и сосен, достигавших метровой толщины, стометровой высоты, с могучей корневой системой. Мама все повторяла и повторяла: «И как это мы, горемычные, только выжили?!»

У моего родного, единственного брата Ивана Васильевича, образованнейшего Человека и крупного инженера, была своя тема разговора. Семейный народ ее с охотой поддерживал, задавая Ивану Васильевичу массу разных вопросов. Брат говорил о современных проблемах Русского Общества, о проблемах экономики страны, о путях возрождения загубленных Русских Традиций. В 60-е годы в Кадышеве не было радио, почти никто не выписывал газет и журналов. Народ села оказался практически вне информационного поля. Поэтому все, что говорил энциклопедически образованный Иван Васильевич, было собеседникам интересно. Мысли брата и мне очень нравились...

Что касается моей жены Людмилы Михайловны: она очень культурный Человек, знающий Русскую Литературу, прекрасно разбирающийся в тонкостях, особенно музыкального, искусства. Поэтому собравшись на садовой Поляне наши родственники с охотой слушали ее беседы...

Вовлекали в разговор и детей: Сашу, Андрея, Наташу-внучат Василия Ивановича и Анны Михайловны...

Сад Отца денно и ночью звучал не только голосами птиц и шелестом трав, но и человеческим песнопением. Хозяин Сада, его Творец, любил петь песни русские под русские садовые природные мелодии. Бывало, мы, семейные и наши соседи по саду и огороду, часто слушали, заслушиваясь, льющуюся из Сада такую вот песню Отца:

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?
Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кланяте вы меня,
Темно-голубые!
Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой,
А куда? не знаю!
Он ученым ездом
Не воспитан в поле,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле;
И не блещет, как огонь,
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!
Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной!
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? кручиной?
Знать не может человек —
Знает Бог единый!..

А вот одну из песен придумалось много раз за лето в нашем теплом, душистом, облитом соком жизни Саду исполнять только мне как бывшему военному моряку-тихоокеанцу для взрослого сына Саши. Саша ее очень любил. Особенно мой сын ликовал от патристических, полных высокой Люб-

ви к Жизни, к Родной России, к Русскому Народу слов песни. Песнь эту в нашем Отечестве поют все Русские Люди вот уже сто лет. И я горячо, возвышенно, с пафосом пел много лет в нашем Саду для сына Саши, а в дачном своем саду что на Волге, для внука Андрюши:

Наверх, о товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!
Все выплелы вьются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,
Готовятся к бою орудий ряды,
На солнце зловеще сверкая.
Из пристани верной мы в

вот этот рассказ (ария) Лознгринна из величайшей оперы гениальна Рихарда Вагнера: «В краю святом, в далеком горнем царстве, замок стоит—твердыня Монсальват... Там храм сияет в украшениях чудных, что ярче звезд, как солнце дня горят. А в храме том сосуд есть силы дивной, как вышний неба дар, он там храним,— его туда для душ блаженных чистых, давно принес крылатый серафим. Из года в год слетает с неба голубь, чтоб новой силой чашу наделить: святой Грааль, источник чистой веры, и в чаше искупленные он несет. Кто быть сугую Грааля удостоен, тому дарит он неземную власть, тому не страшны вражеские козни: открыто им зло, враг черный должен

ловны, в каком-то забытьи, раскрыв настезь свои души, начал слушать певичу. И вот Она, Певича—Людмила Михайловна Нарышкина, ангельским, настоящим на Духе Священной Русской земли голосом поет:

Издадека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга—
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга...

(Тут все мы, конечно, повертывались к нашей Сури и прислушивались к плеску ее воды...)

А мне семнадцать лет.
(Мысленно каждый из нас, стар и млад, после пропетых Люсей этих слов возвращался в свое семнадцатилетие.)

Сказала мать:
(Я тут же украдкой поглядывал на свою Маму, скромно присевшую на лужайку немножечко в сторонке от нас.)

«Бывает все, сынок...
Быть может, ты устанешь от дорог,—
Когда придешь домой в конце пути,

Свои ладони в Волгу опусти». (Моей дорогой мамочки нет на земле вот уже десять лет, а я, бывая в Кадышеве, подхожу к Сури и обязательно свои ладони в Суру опускаю...)

Люся, воодушевленная повышенным вниманием к себе—исполнительнице этой чудной песни, вздохнув и ласково глянув на все наполняющийся и наполняющийся мелодией Русской песни

Течет моя Волга...

А мне семнадцать лет.
Люсино пение завершилось, а в нас еще долго держалась мелодия: «Издадека долго Течет река Волга...» Казалось, и Сад, только что погруженный в чудное пение, еще никак не может освободиться от магической власти песни... Мне иногда даже откуда-то из кустов Сада слышалось: «Сказала мать: «Бывает все, сынок... Быть может, ты устанешь от дорог,—Когда придешь домой в конце пути, Свои ладони в Волгу опусти...»

Поздним вечером, после заката Солнышка, Отец, оказавшись в Саду один на один с волшебным, рукотворным природным миром, любил тихо-тихо, еле слышно напевать:

Вечерний звон, вечерний звон!

Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
И как я, с ним навек

протаясь,
Там слушал звон в
последний раз!

Уже не зреть мне светлых
дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в
живых

Тогда веселых, молодых!
И крепко их могильный сон;
Не слышен им вечерний
звон.

Лечь и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.

И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний
звон!

После слов «И уж не я, а будет он в раздумье петь вечерний звон!», с грустью тихо пропетых Отцом, в только что веселом-шумном, музыкальном Свете Жизни наполненном Саду на мгновения воцарялась какая-то особая, тоской пронизанная тишина. На время, чтобы не тревожить душу Творца Сада, умолкали птицы и пчелы. Казалось, даже шелест листьев на садовых деревьях и кустарниках, на соседних с Садам тополях и то был не слышен. Отец сквозь тишину эту вновь, уже неожиданно громко, бросал в свой садовый Оазис слова:

Лечь и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.

И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний
звон!

Потом Отец молча, неслышно, медленно начинал взад и вперед ходить по погруженному в сумерки, полудремавшему Саду, заглядывая в каждый его уголок, трогая одну за другой яблони, прислушиваясь к тихому жужжанию в ульях уставших за долгий трудовой день пчел.

Пьянящий, настоящий на садовую зелень воздух успокаивал Крестьянина, умиротворял Крестьянскую душу и провозжал Крестьянина-Садовода и Пчеловода, уставшего за девятнадцать часов трудов в Саду, на пчельнике и в огороде, к себе, в свою уютную избу на ночной отдых.

Вот в таком почти неизменном ритме шла летняя жизнь Отца начиная с 1959 года по год 1985, то есть непрерывно двадцать шесть лет, наполненных глубоким смыслом Бытия, своей Нужности людям.

ЭПИЛОГ
Давайте представим, что в нашем присурском селе Кадышеве, как и в тысячах других селений Посурья, Поволжье-Посурского края, всей необъятной России, у каждой Семьи будет расти, цвести, благоухать и плодоносить свой Сад, а в Саду каждым станут жить и работать, мед пудами добывать пчелы. Россия наша, наша Русь Святая сразу же превратится в Рай Земной, а в Раю том сплошь зацветут яблони, вишни, десятки других фруктовых деревьев, плодоягодные кустарники: смородины, крыжовника, ежевики... В безбрежном Саду России небыло запоют песни чудные Райские Птички: соловьи, скворцы, жаворонки, дрозды... Воздух настоит на жизнотворных запахах трав и цветов... С нашей Русской Земли навсегда изгонятся такие человеческие пороки, как: жестокость, тунеядство, лень, уныние, корысть, себялюбие, немилосердие, хамство, враждебность к человеку и природе, богохульство, сквернословие...

Н. НАРЫШКИН
Присурское Кадышево—
Казань, лето-осень 1999 года

САДОТЦА

битву идем,
Навстречу грозящей нам
смерти,
За родину в море открытом
умрем,
Где ждут желтолицые черти!
Свистит, и гремит, и грохочет
кругом
Гром пушек, шипенье снаряда,
И стал наш бесстрашный,
наш верный «Варяг»
Подобьем кромешного ада!
В предсмертных мученьях
трепещут тела,
Вкруг грохот, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем
огня,—
Настала минута прощанья.
Прощайте, товарищи! С Богом,
ура!

Кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами!
Не скажут ни камень, ни крест,
где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские
прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга»!

И сыну Саше, и внуку Андрюше я всегда особь выделял вот эти слова песни о «Варягах»: «Из пристани верной мы в битву идем, Навстречу грозящей нам смерти, За Родину в море открытом умрем, Где ждут желтолицые черти!» И Саша, и Андрюша их воспринимали с восторгом, стараясь мне подпевать. А потом с их стороны каждый раз поступал нескончаемый ряд вопросов: о море, о морях, о кораблях, о «Варягах», о судьбе героического этого корабля, о патристических русских традициях...

Нередко во время наших песнопений в Саду нам кто-нибудь из кадышевских виртуозов-гармонистов, коих в селе было, поди, больше сотни, подыгрывал. Посещали наш сад и балалаечники. Постоянным гостем в Саду был наш домашний стабильный патефон. Патефон старательно знакомил нас со знаменитыми певцами, с певичами, с аккордеонистами, с баянистами, с гитаристами, с балалаечниками, с юмористами, с драматическими актерами. Из патефона лились на нас, разливаясь по всему Саду, по всей Усадьбе нашей, даже по всему Махотину заулку, голоса: Сергея Яковлевича Лемешева, Ивана Семеновича Козловского, Федора Ивановича Шалапина, Максима Дормидонтовича Михайлова, Лидии Андреевны Руслановой, Ольги Васильевны Ковалевой, Людмилы Георгиевны Зыкиной, других великолепных русских певческих Талантов. Воистину Божественный Дух посещал Сад и околосадовое пространство, когда из патефона в исполнении гениального Ивана Семеновича Козловского звучал

пасты.. Так чист и свят источник благодати, что верить должен смертный человек, а если в вас сомнение зародится, посол небес тотчас уйдет навек. Итак, вы тайну знать мою хотите ли!..» Голос И. С. Козловского умолк... и в Саду долго-долго стояла какая-то философская, малопостижимая умом тишина. Скорее это была не тишина, а было наше Погружение в Таинственный мир Вечности, о коем только что поведал нам Лознгрин.

То же самое неземное чувство вызывала в наших славянских душах моя жена Людмила Михайловна своим очень русским исполнением песни «Издадека долго течет река Волга...» Это, наверное, потому, что моя милая жена Людмила Михайловна сама родом с берегов чудной русской реки Вятки, из древнего купеческого русского города Мамадыша, русского города, оказавшегося несколько десятков лет назад по воле чиновников в Татарстане. От Мамадыша рукой подать до славных русских рек Камы и Волги, на которых Людмила Михайловна много раз бывала и любовалась их ширью и полноводностью. В 1964 году, с тех пор, как я ее первый раз привел в свой кадышевский Родительский Дом, Люсю в свои ласковые объятия как самую желанную русскую женщину приняла и Священная Сура. Люся стала преданной не только мамадышанкой-вятчанкой, но и кадышанкой-сурчанкой! Она, очень интеллигентная Людмила Михайловна, горячо полюбила и нашу крестьянскую семью, и моих Крестьян-Родителей, ставших ее вторыми Родителями, и наш Сад, и наш Махотин заулок, и присурское Кадышево, и Суру...

Народ, восседающий на садовой лужайке, боясь шелохнуться, разом лицами повернувшись в сторону моей Людмилы Михай-

Сад, продолжает:

Издадека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга—
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга...

А мне уж тридцать лет.

Тот первый взгляд и первый плеск весла... (Плеск весла... При этих словах я всегда возвращался ко временам моего детства, когда я на своей лодке-долбленке с ватагой ребятни на одном весле поднимался вверх по Сури километров на 10—20...)

Все было, только речка унесла. Я не грущу о той весне былой—
Взамен ее твоя любовь со мной.

(Тут наши взгляды с Люсей встретились!..)
Издадека долго
(Вдохновенно продолжает петь Люся.)

Течет река Волга,
Течет река Волга—
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых,
Гляжу в тебя, Волга,
Седьмой десяток лет.

(У сидевших на лужайке мужчин и женщин, кои в солидном возрасте, на глазах появлялись слезы по утраченному молодому годам...)

Люся, как-то по-особому преобразившись, с пафосом продолжала: Здесь мой причал, и здесь мои друзья,
Все, без чего на свете жить нельзя,
С далеких плесов в звездной тишине
Другой мальчишка подпевает мне:
Издадека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга—
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых

Н. НАРЫШКИН
Присурское Кадышево—
Казань, лето-осень 1999 года